
АРИСТОТЕЛЬ

РИТОРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 1(091)"652"

ББК 87.3(0)

A81

Перевод Н. Н. Платоновой

Аристотель.

A81 Риторика /Аристотель; пер. с древнегреч. Н.Н. Платоновой. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 352 с. (Мудрость великих).

ISBN 978-5-17-115897-2

«Риторика» Аристотеля – это труд, который рассматривает роль речи как важного инструмента общественного взаимодействия и государственного устройства. Речь как способ разрешения противоречий, достижения соглашений и изменения общественного мнения.

Этот труд, без преувеличения, является основой и началом для всех работ по теории и практике искусства убеждения, полемики, управления путем вербального общения.

В трех книгах «Риторики» есть все основные теоретические и практические составляющие успешного выступления.

Трактат не утратил актуальности. Сегодня он вполне может и даже должен быть изучен теми, кому искусство убеждения, наука общения и способы ясного изложения своих мыслей необходимы в жизни.

УДК 1(091)"652"

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-115897-2 © ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аристотель – величайший ученый своего времени, философ и практик, работы которого стали основой развития философской мысли последующих столетий. Ученик великого Платона, автор «Метафизики», «Логики», «Политики», «Поэтики», «Аналитики», оставил потомкам труды, которые остаются современными, несмотря на пласт времени, который отделяет Аристотеля от наших современников.

«Риторика» – это труд, который рассматривает роль речи как важного инструмента общественного взаимодействия и государственного устройства. Ораторское искусство как способ разрешать противоречия и приходить к соглашениям, а также менять общественное мнение за счет умелого использования речи.

Риторика (*др.-греч.* ρητορικη — «ораторское искусство» от ρητωρ — «оратор») — теория ораторского искусства, приемов и способов построения выразительной, публичной речи.

«Риторика» Аристотеля, без преувеличения, является основой и началом для всех трудов по

теории и практике искусства убеждения, полемики, управлению путем вербального общения.

В трех книгах «Риторики» есть все основные теоретические и практические составляющие успешного выступления.

В первой книге автор пишет о самом предмете риторики, ее назначении и соотношении с другими областями науки и искусства, о ее значимости в общественной и личной жизни человека.

«Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; аудитория – конечная цель речи». Способность к речи, по Аристотелю, отличает человека от животных, она создает и семью, и государство. Благодаря ей человек приобретает уникальную возможность передавать знания и развивать их совместно с другими людьми. Важными считает Аристотель и качества оратора, учитывая силу воздействия слова на умы и ответственность за результат. Таким образом, риторика, по мнению Аристотеля, является не столько филологической дисциплиной, сколько социальной.

Виды речи, риторическая аргументация, целевая аргументация, инструменты и приемы убедительности, а также необходимость подготовки оратора – темы второй книги.

В третьей книге речь рассматривается как искусство, поскольку ей присущи стиль, композиция, ритм, эмоциональная окраска и периодичность.

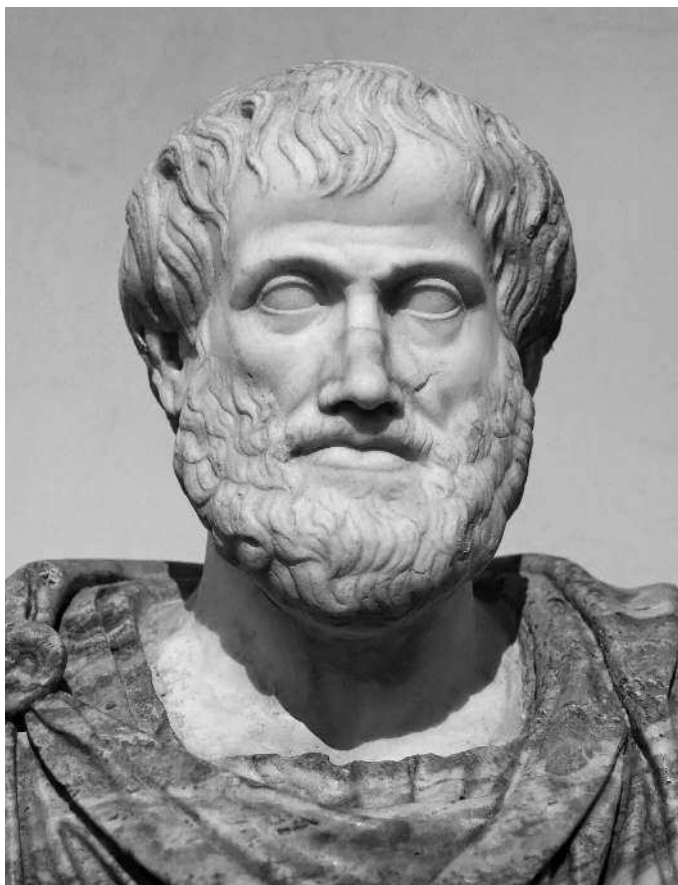

«Риторика» – это не только трактат для того, кто стремится стать убедительным оратором. Аристотель излагает свое понимание природы речи немногословно, но по-настоящему емко. Именно в «Риторике» он впервые дает свое понимание стиля, которое в «Поэтике» развивается и становится каноническим.

Трактат не утратил актуальности. Сегодня он вполне может и даже должен быть изучен теми, кому искусство убеждения, наука общения и способы ясного изложения своих мыслей необходимы в жизни.

Прекрасный перевод Н. Н. Платоновой сохранил для читателя стиль самого автора, с четкостью, последовательностью, ясностью и юмором. Текст, кажется, сохраняет отпечаток личности великого мыслителя античности, дающего уроки уже сотням поколений.

КНИГА I

ГЛАВА I

Отношение риторики в диалектике. – Всеобщность риторики. – Возможность построить систему ораторского искусства. – Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. – Что должен доказывать оратор? – Закон должен по возможности все определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьи. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики, цель и область ее.

Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны к обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять.

В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют в соответствии со своими способностями, развитыми привычкой.

Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, является возможность возвести их в систему, так как мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководствуются привычкой, так и те, которые действуют случайно, а что подобное исследование есть дело искусства, с этим, вероятно, согласится каждый. До сих пор те, которые строили системы ораторского искусства, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в области ораторского искусства только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное – не что иное, как аксессуары. Между тем авторы систем не говорят ни слова по поводу энтимем, которые составляют суть доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу; в самом деле: клевета, сострадание, гнев и другие тому подобные движения души относятся не к рассматриваемому судьей делу, а к самому судье. Таким образом, если бы судопроизводство везде было поставлено так, как оно ныне поставлено в некоторых государствах, и преимущественно в тех, которые отличаются хорошим государственным устройством, эти теоретики не могли бы сказать ни слова. Все одобряют такую постановку судопроизводства, но одни полагают, что дело закона произнести это запрещение, другие

ГЛАВА I

же действительно пользуются таким законом, не позволяя говорить ничего не относящегося к делу (так это делается и в Ареопаге). Такой порядок правилен, так как не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться.

Кроме того очевидно, что дело тяжущегося заключается не в чем другом, как в доказательстве самого факта: что он имеет или не имеет, имел или не имел места; что же касается вопросов, важен он или не важен, справедлив или не справедлив, то есть всего того, относительно чего не высказался законодатель, то об этом самому судье, конечно, следует иметь свое мнение, а не заимствовать его от тяжущихся.

Поэтому хорошо составленные законы главным образом должны, насколько возможно, все определять сами и оставлять как можно меньше произволу судей, во-первых, потому что легче найти одного или немногих, чем многих таких людей, которые имеют правильный образ мыслей и способны издавать законы и изрекать приговоры. Кроме того, законы составляют с людьми на основании долговременных размышлений, судебные же приговоры произносятся на скорую руку, так что трудно людям, отправляющим правосудие, хорошо различать справедливое и полезное.

Самая же главная причина заключается в том, что решение законодателя не относится к отдельным случаям, но касается будущего и имеет ха-

рактер всеобщности, между тем как присяжные и судьи изрекают приговоры относительно настоящего, относительно отдельных случаев, с которыми часто находится в связи чувство любви или ненависти и сознание собственной пользы, так что они [судьи и присяжные] не могут с достаточной ясностью видеть истину: соображения своего собственного удовольствия и неудовольствия мешают правильному решению дела.

Итак, как мы говорим, относительно всего прочего нужно предоставлять судье как можно меньше простора; что же касается вопросов, совершился ли известный факт или нет, совершится или нет, есть ли он в наличности, или нет, то решение этих вопросов необходимо всецело предоставить судьям, так как законодатель не может предвидеть частных случаев.

Раз это так, очевидно, что те, которые [в своих рассуждениях] разбирают другие вопросы, например, вопрос о том, каково должно быть содержание предисловия, или повествования, или каждой из других частей [речи], касаются вопросов, не относящихся к делу, потому что [авторы этих сочинений] рассуждают в этом случае только о том, как бы привести судью в известное настроение, ничего не говоря о технических доказательствах, между тем как только таким путем можно сделаться способным к энтимемам. Вследствие всего этого хотя и существует один и тот же метод для речей, обращаемых к народу, и для речей судебного характера, и хотя прекраснее и

ГЛАВА I

с государственной точки зрения выше первый род речей, чем речи, касающиеся сношений отдельных личностей между собой, – тем не менее исследователи ничего не говорят о первом роде речей, между тем как каждый из них пытается рассуждать о судебных речах.

Причина этому та, что в речах первого рода представляется менее полезным говорить вещи, не относящиеся к делу, а также и та, что первый род речей представляет меньше простора для коварной софистики и имеет больше общего интереса, здесь судья судит о делах, близко его касающихся, так что нужно только доказать, что дело именно таково, как говорит оратор. В судебных же речах этого не достаточно, но полезно еще расположить слушателя в свою пользу, потому что здесь решение судьи касается дел, ему чуждых, так что судьи, в сущности, не судят, но предоставляют дело самим тяжущимся, наблюдая при этом свою собственную выгоду и выслушивая пристрастно [показания тяжущихся].

Вследствие этого во многих государствах, как мы и раньше говорили, закон запрещает говорить не относящееся к делу, но там сами судьи в достаточной мере заботятся об этом.

Так как очевидно, что правильный метод касается способов убеждения, а способ убеждения есть некоторого рода доказательство (ибо мы тогда всего более в чем-нибудь убеждаемся, когда нам представляется, что что-либо доказано), риторическое же доказательство есть энтимема,

КНИГА I

и это, вообще говоря, есть самый важный из способов убеждения, и так как очевидно, что энтимема есть некоторого рода силлогизм и что рассмотрение всякого рода силлогизмов относится к области диалектики – или в полном ее объеме, или какой-нибудь ее части, – то ясно, что тот, кто обладает наибольшей способностью понимать, из чего и как составляется силлогизм, тот может быть и наиболее способным к энтимемам, если он к знанию силлогизмов присоединит знание того, чего касаются энтимемы, и того, чем они отличаются от чисто логических силлогизмов, потому что с помощью одной и той же способности мы познаем истину и подобие истины. Вместе с тем люди от природы в достаточной мере способны к нахождению истины и по большей части находят ее; вследствие этого находчивым в деле отыскания правдоподобного должен быть тот, кто также находчив в деле отыскания самой истины.

Итак, очевидно, что другие авторы говорят в своих системах о том, что не относится к делу; ясно также и то, почему они обращают больше внимания на судебные речи.

Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения выносят с не должным образом, то истина и справедливость обычно бывают побеждены своими противоположностями, что достойно порицания. Кроме того, если мы имеем даже самые точные знания, все-таки нелегко убеждать некоторых людей на

ГЛАВА I

основании этих знаний, потому что [оценить] речь, основанную на знании, есть дело образования, а здесь [перед толпой] она – невозможная вещь. Здесь мы непременно должны вести доказательства и рассуждения общедоступным путем, как мы говорили это и в «Топике» относительно обращения к толпе. Кроме того, необходимо уметь доказывать противоположное, так же, как и в силлогизмах, не для того, чтобы действительно доказывать и то, и другое, потому что не должно доказывать что-нибудь дурное, но для того, чтобы знать, как это делается, а также чтобы уметь опровергнуть, если кто-либо пользуется доказательствами не соответствующими истине.

Из остальных искусств ни одно не занимается выводами из противоположных посылок; только диалектика и риторика делают это, так как обе они в одинаковой степени имеют дело с противоположностями. Эти противоположности по своей природе не одинаковы, но всегда истина и то, что лучше, по природе вещей более поддается умозаключениям и, так сказать, обладает большей силой убедительности.

Сверх того, если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом, так как пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом. Если же кто-либо скажет, что человек, несправедливо пользующийся подобной способностью слова, может сделать много вреда, то это замечание мож-